

Все началось с пирожков (Вместо предисловия)

Режиссер. Что за слово такое? Как оно появилось в моей лексике? Когда? Включая память и переношу в далекий сорок третий год на Урал к чистому и прозрачному тогда озеру Турояк. У озера жили эвакуированные от войны женщины и дети. Летом озеро кормило этих бездомных — сквозь толщу воды было ясно видно, как жирные окуни заглатывали червя. Рыбалкой занимались все — был бы крючок — не для развлечения. Для жизни.

Иногда над дальней горой за озером появлялся дымок и тогда на берегу говорили: "Дезертиры гонят самогон". В слове дезертир было что-то пугающее, страшное. Мой отец не был дезертиром, он был боевым офицером, воевал на Ленинградском фронте. Мы с матерью получали от него письма, а однажды, и это было очень кстати, заросший щетиной красноармеец, ехавший в отпуск по ранению, привез нам посылку — четыре кубика гречневого концентрата с маслом. Я брал брикетик в обе руки и осторожно отгрызал крупинку за крупинкой, которая казалась мне слаще довоенных конфет — наступила уральская зима, и ягоды, грибы, рыба — все, что питало нас летом, — исчезло со стола.

Чувство голода сопровождало меня постоянно, и бродя по улицам села, я мог безошибочно, по запаху, определять, в каком доме и за какими воротами варят мясо, в каком — капусту.

Было тоскливо, особенно длинными вечерами — сидеть без света, в призрачных рефlekсах тлеющих в печи углей.

Но иногда наступал праздник. В бревенчатый клубик давали электричество — приезжали артисты. Женщины, прихватив с собой собственные табуретки (ни стульев, ни скамеек в клубе не было — все растащили на дрова), устремлялись к кассе, а мы, пацаны, к окнам, благо в окнах были форточки. Есть такая мальчишеская формула: "Если голова пролезет, то все пролезет". По этой формуле я и попадал в клуб всегда, по этой формуле попал в тот памятный раз. Уселся на пол прямо перед сценой. Надо мной на табурет взгромоздилась какая-то женщина в пятных стеганых штанах, я пригнулся к ножке ее табурета и приготовился вникать происходящему на сцене.

Бязевый занавес раздвинулся. Передо мной была русская печь и дед с бабкой вынимали из нее противень с настоящими — я мог побожиться — пирожками с луком и картошкой. Этот запах заставил меня поминутно глотать слюну. Я следил теперь только за перемещениями этих манящих пирожков.

Скоро на сцене появились фашисты, отняли у деда с бабкой противень и принялись поедать пирожки. Потом из окон декорации, изображающей избу, выпрыгнули партизаны и выгнали фашистов. Дед и бабка преподнесли освободителям пахучие пирожки с луком и картошкой. Партизаны взяли по пирожку, надкусили... Занавес закрывается. А на противне остаются еще румяные целые пирожки! Много — штуки три!

Занавес закрылся. И я спросил у женщины, сидевшей надо мной: "Тетя, а куда пойдут целые пирожки?", и она ответила: "Режиссеру".

Так впервые я услышал магическое слово, и понадобилось немало лет и даже десятилетий, прежде чем я распознал прелесть и превратности профессии, стоящей за этим словесным обозначением. Открытие и освоение профессии дали гораздо больше сиянок и шишек, чем пирожков и пышек. Но что стоят сиянки в сравнении с ощущением зала, который смотрит твои фильмы взахлеб — было и такое, — что стоят сиянки, если уважаемый тобой коллега поздравляет с успехом; что стоят сиянки, если ты работал, общался, дружил с людьми, оставившими свой след в духовной истории страны.

Судьба свела меня с Яном Френкелем неожиданно. То есть я был знаком с ним и раньше, слушал его очень личное, будто предназначенное тебе одному, авторское исполнение, но о совместной работе не помышлял. Мне, молодому тогда режиссеру, он казался неприступной знаменитостью. Ну, как же, его "Текстильный городок", что называется, до дыр затерло радио.

Я довольствовался работой с менее известными, но с абсолютно уверенными в собственной значимости композиторами. Один из них, писавший музыку к моей первой короткометражке "Арбузный рейс", отказался показать мне фортепьянные эскизы, он простучал что-то невероятное на крышке пианино и заявил: "Все, что надо, ты услышишь на записи". Я и услышал. И пришел в ужас. К счастью, не только я. Разрешили затраты на новую запись.

Композитор другой короткометражки настаивал, чтобы по радио вместо Грига, обыгрываемого сюжетно, звучала его армейская симфония. Понятно, что больше мы вместе не работали.

И теперь — Френкель. Встреча наша произошла по инициативе музыкального редактора "Мосфильма" М.Бланк.

Миллионы зрителей видели фильм "Моя улица", где впервые прозвучала, ставшая народной песня "Ромашки спрятались, поникли лютики". Жюри международного фестиваля в Праге удостоило ленту двумя основными призами. Два десятилетия не сходит с экрана картина "Вылет задерживается", где сделали первые уверенные шаги ныне известные актрисы Светлана Крючкова и Евгения Симонова, где новыми гранями засиял талант Татьяны Лавровой, отмеченный "Серебряной ниткой" на фестивале в Монте-Карло. Снискала большой зрительский интерес трагикомедия "Вас ожидает гражданка Никанорова", выведшая Наталью Гундареву на небосклон кинозвезд и открывшая новые актерские качества комика Борислава Брондукова.

Эти и многие другие фильмы, получившие призы на фестивалях, поставил известный режиссер, заслуженный деятель искусств России Леонид Марягин, который предложил вниманию читателей "ЭС" главу из своей новой книги.

Леонид МАРЯГИН Мелодии, обращенные к сердцу

Помню, я жался в углу диванчика и бессвязно бормотал о том, какой мне слышится музыка к фильму "Про Клаву Иванову", а Ян Абрамович, как мне казалось, сочувственно смотрел на меня, и одним, двумя словами конкретизировал мои нечеткие соображения.

Прекрасный твидовый пиджак элегантного кроя, безупречный галстук, крахмальная сорочка и отпущенные брови делали высокую худую и весьма нескладную фигуру композитора предельно элегантной. Эта изысканность подавляла меня. Френкель встал, пригладил свои и без того расчесанные усы, и мурлыка что-то, незаметно переместился к роялю. Теперь он говорил языком музыки, показывая варианты или аналоги. Мою подавленность как рукой сняло. Музыкальный редактор неслышно ушла из кабинета, уловив, что контакт между композитором и режиссером состоялся.

Иногда Френкель замирал у инструмента, словно обдумывая что-то, и лишь кончики его усов чуть-чуть покачивались, а потом снова опускал на клавиши тонкие пальцы. К концу беседы мне казалось, что мы уже давно дружим, и Френкель знает о музыке к фильму даже то, что я не успел ему рассказать.

Через неделю он пришел в студию, сел к инструменту и показал тему, которая должна была стать и песней фильма. Слов еще не было, и Френкель пел первые попавшиеся "рыбы", что-то вроде: "На руках у мальчика сорок восемь пальчиков". Уложенная в нежную, лирическую мелодию, эта нелепица казалась наполненной каким-то волнующим, скрытым смыслом. Позже поэт И.Шаферан вложил в размеры мелодии слова: "Речка льдом закована, спит среди снегов она, но всегда ей снится ледоход...". Чистый голос певицы Йошле стал как бы внутренним монологом юной героини фильма, девочки из "ремеслухи" Клавы Ивановой.

Запись музыки по фильму прошла весело, даже озорно. В бытовых кусках "Массовки", "Ресторан" Френкель скрепявал известную мелодию "Сосраться не надо, Лада" с "Коробейниками", а во время записи ресторанных кусков брал скрипку и импровизировал, вспоминая свое ресторанное прошлое.

Приходилось осваивать любой инструмент. Играл и на скрипке, и на аккордеоне. Нужно было после войны кормиться, — говорил Ян Абрамович.

Он кормился — играл на аккордеоне в дневном составе оркестра ресторана "Метрополь" и на скрипке вечером в "Авроре" на Петровских линиях. Толстосумы заказывали любые мелодии. "Оставалось говорить, — вспоминал композитор, — вы нам напойте, мы вам сыграем".

Фильмом "Про Клаву Иванову" началась наша долгая — в девять фильмов — совместная работа, и для меня открылись удивительные грани кинематографического дара композитора.

Френкель мог все — ему по плечу патетика и лирика, юмор и драматизм. Умение создать музыку любого характера не мешало проявлению его собственной индивидуальности и интонации. Для меня Френкель прежде всего был лириком, и не случайно его музыка так много дала кинокартине "Вылет задерживается". Его лирике свойственны психологизм, способность открывать глубину страсти, драму личности. В этом фильме композитор проявил себя как акварелист, владеющий прозрачными тонами, изяществом и непосредственностью восприятия. Одной из красок в "Вылете" стал голос композитора. Песню "Смотрю в твои глаза", что должна была звучать из транзистора в пустом багажном отделении аэропорта, пробовали записывать несколько певцов. Я вынужденно отказывался от записей. Исполнительская интонация разбивала атмосферу. Предложил напеть собственную песню Френкелю. Не могу сказать, что он долго отказывался. Он, пожалуй, ждал такого предложения. Записали. Доверительный, интимный говорок исполнителя определил строй всей сцены.

Казалось, наше профессиональное взаимопонимание будет безоблачным, но мне пришлось однажды изменить Френкелю. Я задумал фильм "Моя улица", где музыкальная драматургия должна была строиться на малоизвестной "песне из подворотни", как окрестил я искомую песню. Предлагать Яну Абрамовичу писать музыку на основе чужой песни я считал неэтичным и попросил музыкального редактора порекомендовать мне молодого композитора, который найдет в архиве старую песню и на ее основе разработает музыкальную структуру. Так на картину появился тогда совсем неизвестный композитор Птичкин. Я объяснил ему задачу и ушел снимать. А он обратился к архиву. За три дня до съемок эпизода с песней я спросил у Птичкина, что же он разыскал в архивах? "Ничего хорошего", — подытожил Женя и предложил свои услуги для сочинения оригинальной песни.

Я понял, что попал в неприятную историю: трудно будет объяснить теперь Френкелю, почему я не привлек его. Но делать нечего, на картине уже был композитор Птичкин, и он с ходу показал мелодию песни на слова Шаферана, которая мне чрезвычайно понравилась: это была та самая искомая "песня из подворотни", открывающая юность пожилых героев. С удовольствием я несколько раз прослушал по телефону в исполнении Птичкина "Ромашки спрятались, поникли лютики", и вдруг мне стало казаться, что я эту песню знаю и слышал давно, со своей Орехово-Зуевской юности. Утром я понял, что это блатная песня "Цыганка с картами, всю ночь гадала мне — дорога дальняя, казенный дом".

Я информировал Птичкина о своем открытии.

Он высокомерно парировал: "Ты мою мелодию поешь на пошлые слова". Птичкин этой песней стал знаменитым, а я долго-долго потом оправдывался перед Яном Френкелем.

Есть композиторы, использующие кино как возможность для демонстрации собственных сочинений. Ян Френкель был не из их числа. Он умел уловить основу драматургического замысла, не иллюстрировал фабулу, а открывал свой, истинно музыкальный ракурс. При этом он не обгонял других создателей фильма, а шел с ними в ногу, участвуя в многоголосии всех выразительных средств.

Для фильма "Мое дело", как лейттему его героя Дружанова, эдакого короля Лира современности, я предложил композитору написать только фортепианную музыку. Композитор опешил.

— Как? Без оркестра?

— Да.

— Будет ли это достаточно выразительно?

— У вас будет обязательно. Ведь бывало же, скажем, у Рахманинова.

Мне была понятна растерянность Яна Абрамовича. К этому периоду я уже знал, что он работал "негром" у многих наших знаменитых еще в 50-е годы композиторов, превращая их нотные этюды в партитуры балетов и опер, получавших затем Сталинские премии. Оркестровка была его коньком во все времена. Она кормила его до легализации композиторской деятельности. Многие популярные песни 50-х и сейчас звучат по радио без упоминания автора оркестровок. Он великолепно знал все ее прошлые приемы и ходы. Однажды на мою просьбу для фильма "День рождения" сделать ретро-песню и записать с оркестром, Френкель спросил:

— Под Кнушевицкого, под Утесова или под Цфасмана?

Дар оркестровщика помог ему получить звание народного артиста РСФСР. Тогдашний начальник всего искусства в ЦК КПСС Шауро решил, что оркестровка гимна Союза ССР сделана солдафонски, ее, идя в ногу со временем, надо смягчить. Был объявлен закрытый конкурс на новую оркестровку. Ян Абрамович победил на конкурсе: он с гордостью показывал мне диск без этикетки, пробный. Который понравился членам Политбюро! Мягкая оркестровка гимна СССР не смягчила положения в стране, но композитор оказался признанным в верхах, получил звание, стал секретарем Союза композиторов РСФСР.

Греясь в лучах популярности, а популярность была: песни "Журавли" и "Русское поле" по праву стали песенной классикой, композитор, думается, не забывал о годах нужды в крошечной комнатке на Трубной площади, о годах пошлых ресторанных общений и тянулся к общению с властью имущими, представляющими так называемый "советский свет". В его квартире на проспекте Мира, а затем и на улице Готвальда с удовольствием, радушием и вкусом принимали генералов, председателей всех комитетов, внештатных, минидельцев. Он с удовольствием откликался на предложения посетить прием, банкет, фуршет даже не в качестве автора-композитора, а в качестве высокопоставленного тапера.

Как-то летним вечером мы поджидали гостей на банкет по одной из наших общих с ним картин у ресторана "Араги". Подошел метрдотель, спросил Яна Абрамовича:

— Как жена, дочка, внучек?

— Нормально, — ответил тот, щелкая зажигалкой.

— Как ваша поездка?

— Хорошо, — Френкель только-только вернулся из-за границы.

Метрдотель отошел, я спросил весьма удивленно:

— Откуда он так хорошо о вас все знает?

— К этому обязывает его положение. И мое.

— Вы его знаете?

— А мне его знать совсем не обязательно.

Но все имеет свой финал. Наступил финал и популярности композитора. Я приехал в новое здание МГУ, что на Воробьевых горах с картиной "Дорогое удовольствие", к которой прелестную озорную музыку написал Френкель.

Соло баритон-саксофона, сопровождающее метания героя, усиливало комедийность, а вкрапления цитат из вивальди как нельзя лучше аккомпанировали иронии повествования. Пока шла картина, я, готовясь к выступлению, бродил по фойе и наткнулся на афишу: "Концерт Яна Френкеля отменяется". — Почему? — поинтересовался я у директора дома культуры. "За две недели продано семь билетов", — последовал ответ. Мне стало тошно.

Последний раз Ян Абрамович позвонил мне после поездки в Америку, рассказал о впечатлениях, пообещал дать видеокассету "Скрипача на крыше", уехал отдыхать в Прибалтику. И не вернулся оттуда — жестокий недуг свалил его на отдыхе.

Картину "Враг народа Бухарин" я делал уже без Френкеля.

●Леонид Марягин и Ян Френкель на совместном выступлении.